

ГАВРИИЛ ТРОЕПОЛЬСКИЙ

БЕЛЫЙ БИМ ЧЁРНОЕ УХО

Иллюстрации Анатолия Воробьёва

#эксмогетство

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т70

Троепольский, Гавриил Николаевич.

Т70 Белый Бим Чёрное ухо / Гавриил Троеполь-
ский ; ил. Анатолия Воробьёва. — Москва : Эксмо,
2018. — 320 с. : ил. — (Классика).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096882-4

© Г. Троепольский, текст, наследники, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Александр
Трифоновичу
Твардовскому*

Глава 1

Двое в одной комнате

Жалобно и, казалось, безнадежно он вдруг начинал скулить, неуклюже переваливаясь туда-сюда, — искал мать. Тогда хозяин сажал его себе на колени и совал в ротик соску с молоком.

Да и что оставалось делать месячному щенку, если он ничего ещё не понимал в жизни ровным счётом, а матери всё нет и нет, несмотря ни на какие жалобы. Вот он и пытался в первые два дня время от времени задавать грустные концерты.

Хотя, впрочем, засыпал на руках хозяина в объятиях с бутылочкой молока.

Но на четвёртый день малыш уже стал привыкать к теплоте рук человека. Щенки очень быстро начинают отзываться на ласку.

Имени своего он ещё не знал, но через неделю точно установил, что он — Бим.

В два месяца он с удивлением увидел вещи: высоченный для щенка письменный стол, а на стене — ружьё, охотничью сумку и лицо человека с длинными волосами. Ко всему этому быстренько привык. Ничего удивительного не было уже и в том, что человек на стене неподвижен: раз не шевелится — интерес небольшой. Правда, несколько позже, потом, он нет-нет да и посмотрит: что бы это значило — лицо выглядывает из рамки, как из окошка?

Вторая стена была занимательнее. Она вся состояла из разных брусочков, каждый из которых хозяин мог вынуть и вставить обратно. В возрасте четырёх месяцев, когда Бим уже смог дотянуться на задних лапках, он сам вытащил брусочек и попытался его исследовать. Но тот зашелестел почему-то и оставил в зубах Бима листок. Очень забавно было раздирать на мелкие части тот листок.

— Это ещё что?! — прикрикнул хозяин. — Нельзя! — И тыкал Бима носом в книжку. — Бим, нельзя. Нельзя!

После такого внушения даже человек откажется от чтения, но Бим — нет: он

долго и внимательно смотрел на книги, склоняя голову то на один бок, то на другой. И, видимо, решил-таки: раз уж нельзя эту, возьму другую. Он тихонько вцепился в корешок и утащил это самое под диван; там отжевал сначала один угол переплёта, потом второй, а забывшись, выволок незадачливую книгу на середину комнаты и начал терзать лапами играючи, да ещё и с припрыгом.

Вот тут-то он и узнал впервые, что такое «больно» и что такое «нельзя». Хозяин встал из-за стола и строго сказал:

— Нельзя! — и трепанул за ухо. — Ты же мне, глупая твоя голова, «Библию

для верующих и неверующих» изорвал. — И опять: — Нельзя! Книги — нельзя! — Он ещё раз дёрнул за ухо.

Бим взвизгнул да и поднял все четыре лапы кверху. Так, лёжа на спине, он смотрел на хозяина и не мог понять, что же, собственно, происходит.

— Нельзя! Нельзя! — долбил тот нарочито и совал снова и снова книгу к носу, но уже не наказывал. Потом поднял щенка на руки, гладил и говорил одно и то же: — Нельзя, мальчик, нельзя, глупыш. — И сел. И посадил на колени.

Так в раннем возрасте Бим получил от хозяина мораль через «Библию для верующих и неверующих». Бим лизнул ему руку и внимательно смотрел в лицо.

Он уже любил, когда хозяин с ним разговаривал, но понимал пока всего лишь два слова: «Бим» и «нельзя». И все же очень, очень интересно наблюдать, как свисают на лоб белые волосы, шевелятся добрые губы и как прикасаются к шёрстке тёплые, ласковые пальцы. Зато Бим уже абсолютно точно умел определить — весёлый сейчас хозяин или грустный, ругает он или хвалит, зовёт или прогоняет.

А он бывал и грустным. Тогда говорил сам с собой и обращался к Биму:

— Так-то вот и живём, дурачок. Ты чего смотришь на неё? — указывал он на портрет. — Она, брат, умерла. Нет её. Нет... — Он гладил Бима и в полной уве-

ренности приговаривал: — Ах ты мой дурачок, Бимка. Ничего ты ещё не понимаешь.

Но прав был он лишь отчасти, так как Бим понимал, что сейчас играть с ним не будут, да и слово «дурачок» принимал на свой счёт, и «мальчик» — тоже. Так что когда его большой друг окликал дурачком или мальчиком, то Бим шёл немедленно, как и на кличку. А раз уж он, в таком возрасте, осваивал интонацию голоса, то, конечно же, обещал быть умнейшей собакой.

Но только ли ум определяет положение собаки среди своих собратьев? К сожалению, нет. Кроме умственных задатков, у Бима не всё было в порядке.

Правда, он родился от породистых родителей, сеттеров, с длинной родословной. У каждого его предка был личный листок, свидетельство. Хозяин мог бы по этим анкетам не только дойти до прадеда и прабабки Бима, но и знать, при желании, прадедового прадеда и прабабушкину прабабушку. Это всё, конечно, хорошо. Но дело в том, что Бим при всех достоинствах имел большой недостаток, который потом сильно отразился на его судьбе: хотя он был из породы шотландских сеттеров (сеттер-гордон), но окрас оказался абсолютно нетипичным — вот в чём и соль. По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно «чёрный, с блестящим синеватым отливом — цвета

воронова крыла, и обязательно с чётко отграниченными яркими рыже-красными подпалинами»; даже белые отметины на не предусмотренных стандартом местах считаются большим пороком у гордонов. Бим же выродился таким: туловище белое, но с рыженькими подпалинами и даже чуть заметным рыжим крапом, только одно ухо и одна нога чёрные, действительно — как вороново крыло; второе ухо мягкого желтовато-рыженького цвета. Даже удивительно подобное явление: по всем статьям — сеттер-гордон, а окрас — ну ничего похожего. Какой-то далёкий-далёкий предок взял вот и выскочил в Биме: родители — гордоны, а он — альбинос породы.

В общем-то, с такой разноцветностью ушей и с подпалинками под большими умными тёмно-кариими глазами морда Бима была даже симпатичней, приметней, может быть, даже умнее или, как бы сказать, философичней, раздумчивей, чем у обычных собак. И право же, всё это нельзя даже назвать мордой, а скорее — собачьим лицом. Но по законам кинологии белый окрас, в конкретном случае, считается признаком вырождения. Во всём — красавец, а по стандартам шерстного покрова — явно сомнительный и даже порочный. Такая вот беда была у Бима.

Конечно, Бим не понимал вины своего рождения, поскольку и щенкам не дано

природой до появления на свет выбирать родителей. Биму просто не дано и думать об этом. Он жил себе и пока радовался.

Но хозяин-то беспокоился: дадут ли на Бима родословное свидетельство, которое закрепило бы его положение среди охотничьих собак, или он останется пожизненным изгоем? Это будет известно лишь в шестимесячном возрасте, когда щенок (опять же по законам кинологии) определится и оформится в близкое к тому, что называется породной собакой.

Владелец матери Бима, в общем-то, уже решил было выбраковать белого из помёта, то есть утопить, но нашёлся чудак, которому стало жаль такого красавца. Чудак тот и был теперешним хозяином Бима: глаза ему понравились, видите ли, умные. Надо же! А теперь и стоит вопрос: дадут или не дадут родословную?

Тем временем хозяин пытался разгадать, откуда такая аномалия у Бима. Он перевернул все книги по охоте и собаководству, чтобы хоть немного приблизиться к истине и доказать со временем, что Бим не виноват. Именно для этого он и начал выписывать из разных книг в толстую общую тетрадь всё, что могло оправдать Бима как действительного представителя породы сеттеров. Бим был уже его другом, а друзей всегда надо выручать. В противном случае — не ходить Биму победителем на выставках, не греметь золотыми медалями

на груди: какой бы он ни был золотой собакой на охоте, из породных он будет исключён.

Какая же всё-таки несправедливость на белом свете!

ЗАПИСКИ ХОЗЯИНА

В последние месяцы Бим незаметно вошёл в мою жизнь и занял в ней прочное место. Чем же он взял? Добротой, безграничным доверием и лаской — чувствами всегда неотразимыми, если между ними не втёрлось подхалимство, каковое может потом, постепенно, превратить всё в ложное — и доброту, и доверие, и ласку. Жуткое это качество — подхалимаж. Не дай-то боже! Но Бим — пока малыш и милый собачонок. Всё будет зависеть в нём от меня, от хозяина.

Странно, что и я иногда замечаю теперь за собой такое, чего раньше не было. Например, если увижу картину, где есть собака, то прежде всего обращаю внимание на её окрас и породистость. Сказывается беспокойство от вопроса: дадут или не дадут свидетельство?

Несколько дней назад был в музее на художественной выставке и сразу же обратил внимание на картину Д. Бассано (XVI век) «Моисей иссекает воду из скалы». Там на переднем плане изображена собака — явно прототип легавой породы, со странным, однако, окрасом: туловище белое, морда же, рассечённая белой проточиной, чёрная, уши тоже чёрные, а нос белый, на левом плече чёрное пятно, задний костец тоже чёрный. Измученная и тощая, она жадно пьёт долгожданную воду из человеческой миски.

Вторая собака, длинношёрстная, тоже с чёрными ушами. Обессилив от жажды, она положила на колени хозяина голову и смиренно ожидает воду. Рядом — кролик, петух, слева — два ягнёнка. Что хотел сказать художник, поместив собаку среди людей на передний план? Видимо, он хотел сказать, что люди любили собак ещё с глубокой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа, а собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком.

Ведь за минуту до этого все они были в отчаянии, у них не было ни капли надежды. И они говорили в глаза спасшему их от рабства Моисею:

«О, если бы мы умерли от руки Господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывел ты нас в эту пустыню, чтобы всех собравшихся уморить голодом».

Моисей с великой горестью понял, как глубоко овладел людьми дух рабский: хлеб в достатке и котлы с мясом им дороже свободы. И вот он высек воду из скалы. И было в тот час благо всем, идущим за ним, что и ощущается в картине Бассано.

А может быть, художник и поместил собак на главное место как укор людям за их малодушие в несчастье, как символ верности, надежды и преданности? Всё может быть. Это было давно.

Картина Д. Бассано около четырёхсот лет. Неужели же чёрное и белое в Биме идёт от тех времен? Не может того быть. Впрочем, природа есть природа.

Однако вряд ли это поможет чем-то отстранить обвинение против Бима в его аномалиях расцветки

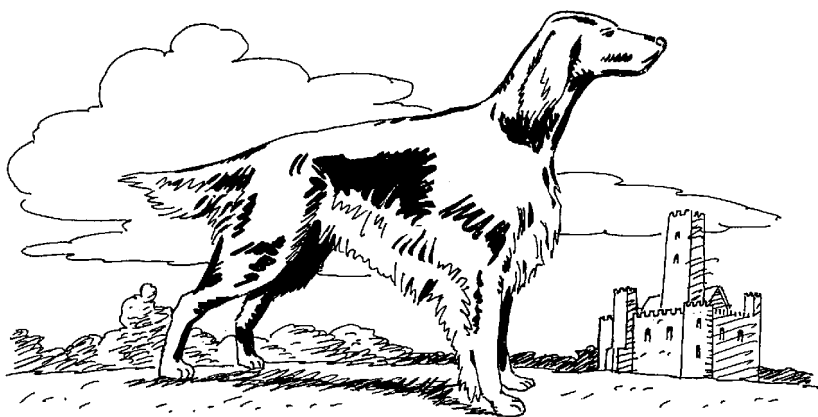
тела и ушей. Ведь чем древнее будут примеры, тем крепче его обвинят в атавизме и неполноценности.

Нет, надо искать что-то другое. Если же кто-то из кинологов и назовет мне о картине Д. Бассано, то можно, на крайний случай, сказать просто: а при чём тут чёрные уши у Бассано?

Поищем данные ближе к Биму по времени.

* * *

Выписка из стандартов охотничьих собак: «Сеттеры-гордоны выведены в Шотландии... Порода сложилась к началу второй половины XIX столетия... Современные шотландские сеттеры, сохранив свою мощь и массивность костяка, приобрели более быстрый ход. Собаки спокойного, мягкого характера, послушные и незлобные, они рано и легче принимаются за работу, успешно используются и на болоте, и в лесу... Характерна отчётливая, спокойная, высокая стойка с головой не ниже уровня холки...»

* * *

Из двухтомника «Собаки» Л.П. Сабанеева, автора замечательных книг — «Охотничий календарь» и «Рыбы России»:

«Если мы примем во внимание, что в основании сеттера лежит самая древняя раса охотничьих собак, которая в течение многих столетий получала, так сказать, домашнее воспитание, то не станем удивляться тому, что сеттеры представляют едва ли не самую культурную и интеллигентную породу».

Так! Бим, следовательно, собака интеллигентной породы. Это уже может пригодиться.

* * *

Из той же книги Л.П. Сабанеева:

«В 1847 году Пэрлендом из Англии были привезены для подарка Великому Князю Михаилу Павловичу два замечательных красивых сеттера очень редкой породы... Собаки были непродажные и променены на лошадь, стоившую 2000 рублей...»

Вот. Вёз для подарка, а содрал цену двадцати крепостных. Но виноваты ли собаки? И при чём тут Бим? Это непригодно.

* * *

Из письма известного в своё время природолюбца, охотника и собаковеда С. В. Пенского к Л.П. Сабанееву:

«Во время Крымской войны я видел очень хорошего красного сеттера у Сухово-Кобылина,

автора «Свадьбы Кречинского», и жёлто-пегих в Рязани у художника Петра Соколова».

Ага, это уже ближе к делу. Интересно: даже сатирик имел тогда сеттера. А у художника — жёлто-пегий. Не оттуда ли твоя кровь, Бим? Вот бы! Но зачем тогда... чёрное ухо? Непонятно.

* * *

Из того же письма:

«Породу красных сеттеров вёл также московский дворцовый доктор Берс. Одну из красных сук он поставил с чёрным сеттером покойного Императора Александра Николаевича. Какие вышли щенки и куда они девались — не знаю; знаю только, что одного из них вырастил у себя в деревне граф Лев Николаевич Толстой».

Стоп! Не тут ли? Если твоя нога и ухо черны от собаки Льва Николаевича Толстого, ты счастливая собака, Бим, даже без личного листка породы, самая счастливая из всех собак на свете. Великий писатель любил собак.

* * *

Еще из того же письма:

«Императорского чёрного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который Государь пригласил членов правления Московского общества охоты. Это была очень крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало; к тому же ноги были слишком длинные, и одна из ног совершенно белая. Говорят,

сеттер этот был подарен покойному Императору каким-то польским паном, и слух ходил, что кобель-то был не совсем кровный».

Выходит, польский пан облапошил императора? Могло быть. Могло это быть и на собачьем фронте. Ох уж этот мне чёрный императорский кобель! Впрочем, тут же рядом идёт кровь жёлтой суки Берса, обладавшей «чутьём необыкновенным и замечательной сметкой». Значит, если даже нога твоя, Бим, от чёрного кобеля императора, то весь-то ты вполне можешь быть дальним потомком собаки величайшего писателя... Но нет, Бимка, дудки! Об императорском — ни слова. Не было — и всё тут. Ещё чего недоставало.

* * *

Что же остаётся на случай возможного спора в защиту Бима?

Моисей отпадает по понятным причинам. Сухово-Кобылин отпадает и по времени, и по окрасу. Остается Лев Николаевич Толстой: а) по времени ближе всех; б) отец его собаки был чёрным, а мать красная. Всё подходяще. Но отец-то, чёрный-то, — императорский, вот загвоздка.

Как ни поверни, о поисках дальних кровей Бима приходится молчать. Следовательно, кинологи будут определять только по родословной отца и матери Бима, как у них полагается: нет белого в родословной и — аминь. А Толстой им — ни при чём. И они правы. Да и в самом деле, этак каждый может происхождение своей собаки довести до собаки писателя, а там и самому недалеко до Л.Н. Толстого. И действительно: сколько их